

ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА США И СССР В 1945–1954 гг.

Период 1945–1954 гг. представляет собой ключевой этап формирования ядерной политики США и СССР в годы холодной войны. Научная сторона атомных проектов двух сверхдержав относительно хорошо изучена, однако необходимо увязать вопросы науки с вопросами внешней политики и военной стратегии, чтобы восполнить пробелы в существующих исследованиях.

Ключевые слова: ядерная политика; атомная монополия; холодная война; США; СССР.

В данной статье ставится задача выделить ключевые аспекты ядерной политики США и СССР на раннем этапе холодной войны и подходы к их изучению, для того чтобы выявить пробелы в существующих исследованиях и определить собственный подход к изучению данной проблемы.

С точки зрения формирования роли ядерного оружия в военной и политической стратегиях двух сверхдержав период 1945–1954 гг. имел основополагающее значение. Начальный рубеж этого этапа не вызывает сомнений, поскольку именно в 1945 г. Соединенные Штаты испытали атомную бомбу. Вторая дата этих временных рамок обоснована необходимостью включения в рассматриваемый период нескольких главных событий. В 1949 г. в СССР было испытано атомное оружие, а в 1953 г. испытанием водородной бомбы Советский Союз окончательно разрушил американскую ядерную монополию, хотя до ядерного паритета было еще далеко. Смерть Иосифа Сталина в марте 1953 г. ознаменовала конец определенного этапа как во внутривнутриполитическом развитии СССР, так и во внешнеполитическом курсе советского руководства. В США в 1952 г. к власти пришла администрация президента Эйзенхауэра, а в 1954 г. ею была провозглашена доктрина массированного возмездия. Таким образом, именно период 1945–1954 гг. представляется наиболее логичным и завершенным этапом в развитии ядерной политики СССР и США. В этот период лидеры обоих государств рассматривали схожие вопросы в отношении национальных атомных проектов, а именно: возможность применения ядерного оружия для достижения внешнеполитических целей; роль ядерного оружия в новых военно-политических стратегиях; способы презентации обществу своих достижений в сфере ядерных технологий и достижений противника; организация системы управления атомными проектами. Сопоставление подходов США и СССР к решению этих схожих задач представляет несомненный исследовательский интерес.

Особого внимания требует вопрос об участии американских и советских ученых в формировании национальной политики в ядерной сфере. Именно они первыми обратили внимание политиков и чиновников на потенциал ядерной физики. Более того, ученые не ограничивались решением технических вопросов и активно давали свои прогнозы относительно роли атомной бомбы в международных отношениях. Уникальность нового оружия состояла в том, что приходилось ограничиваться испытаниями без возможности проверки его характеристик на поле боя. Таким образом, только ученые обладали пониманием специфики ядерного оружия, необходимым для выработки новых подходов. В США в 1946 г. контроль над атомными техно-

логиями перешел от военного ведомства к гражданским лицам, и были созданы Комиссия по атомной энергии (Atomic Energy Commission) и Главный консультативный комитет (General Advisory Committee) под председательством научного руководителя Манхэттенского проекта Роберта Оппенгеймера. Любопытно, что, привлекая собственных ученых для регулярных консультаций по вопросам атомного оружия, американское руководство было убеждено, что советские ученые подобного влияния на политику советских лидеров не имеют. По крайней мере, посол США в СССР У.Б. Смит докладывал в 1946 г. в Вашингтон, что «это (советское. – Н.Р.) правительство держит своих ученых, как и всё остальное, под контролем» [1]. Есть свидетельства, подтверждающие суждение Смита. Так, по словам А.А. Громыко, Сталин как-то заметил, что с Курчатовым проблему запрещения атомного оружия не обсуждал, поскольку это вопрос политики, а не науки и технологии [2. С. 166]. А член Специального Комитета при ГКО П.Л. Капица в письме на имя Сталина от 25 ноября 1945 г. сетовал: «Наше культурное воспитание еще недостаточно, чтобы поставить Капицу-ученого выше Капицы-начальника... Мнения ученых часто принимаются со скептицизмом, и за спиной делают по-своему» [3. С. 74]. Из-за разногласий с курировавшим атомный проект Л.П. Берией Капица был отстранен от работы и посажен под домашний арест. Впрочем, утверждение о большом влиянии ученых на американскую ядерную политику также представляется спорным. Случай Капицы перекликается с другими. Так, венгерский ученый Лео Сцилард конфликтовал с административным руководителем Манхэттенского проекта Лесли Гровсом по поводу уровня секретности в рамках проекта, а между датским ученым Нильсом Бором и британским премьер-министром Уинстоном Черчиллем возникло серьезное недопонимание по вопросу международного контроля над атомным оружием. Во всех этих случаях политики и чиновники по сути использовали служебное положение для разрешения своих конфликтов с учеными. Это наводит на мысль о том, что к мнению ученых по вопросам политики мало прислушивались по обе стороны железного занавеса. Несмотря на это, мнения, высказывавшиеся учеными-атомщиками, не ограничивались вопросами науки и часто затрагивали политическую сферу. Например, Г.Н. Флёрв, будущий сотрудник Лаборатории № 2 и начальник лаборатории научно-исследовательского сектора КБ-11, в 1942 г. отмечал, что «государство, первое осуществившее ядерную бомбу, сможет диктовать всему миру свои условия» [4]. А П.Л. Капица еще в 1941 г. предупреждал, что атомные бомбы сделают будущую войну «еще более нетерпимой», и подчеркивал, что именно ученые «должны сейчас предупредить

людей об этой опасности» [4]. Похожие пророчества звучали и среди западных ученых. Так, датский ученый Нильс Бор предупреждал руководство США и Великобритании о предстоящей гонке ядерных вооружений. Опираясь на мемуары и свидетельства очевидцев, а также на изучение системы взаимодействия различных ведомств в США и в СССР, можно сопоставить роли, которые играли американские и советские ученые в принятии политических решений относительно ядерного оружия в 1945–1954 гг., и сделать вывод о том, действительно ли влияние американских ученых было большим.

Чрезвычайно важным является также вопрос о том, когда военные и политики сверхдержав осознали, что появление атомного оружия требует изменения военной стратегии. Когда атомная бомба перестала восприниматься как просто более мощный вид вооружений, а стала считаться «оружием геноцида»? В поисках ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что официальные высказывания могут не отражать подлинную позицию руководства страны. Так, посол США У.Б. Смит указывал в своих телеграммах госсекретарю, что, вероятно, советское руководство минимизирует значение атомной бомбы только на словах и только потому, что СССР ею пока не обладает [5]. Об этом же в шутливой форме говорит один из откликов на новость о первом советском атомном испытании – карикатура в американской газете со словами: «Теперь они, может быть, будут ее (атомную бомбу. – *Н.Р.*) больше уважать!» [3. С. 48]. В рамках советской тактики преуменьшения роли нового оружия Сталин в интервью газете «Санди Таймс» в сентябре 1946 г. заявил, что атомная бомба предназначена «для устрашения слабонервных» и не может «решать судьбы войны» [3. С. 86]. Между тем, по словам Ю.Б. Харитона, главного конструктора КБ-11, после успешного завершения советского атомного проекта Сталин заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе» [3. С. 40]. О том, что советское руководство придавало большое значение своему атомному проекту, говорит, в частности, тот факт, что его реализацию курировал заместитель председателя Совета министров СССР Лаврентий Берия. Эта функция – а именно «наблюдение за развитием работ по урану» – была официально возложена на него в 1944 г., когда Сталин утвердил постановление ГКО «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых Лабораторией № 2 АН СССР» [4].

Для советского руководства опасна была именно монополия США, а не сам факт существования нового оружия. Неудивительно, что значение атомной бомбы советским руководством активно преуменьшалось, а советские наблюдатели, присутствовавшие на американском атомном испытании на атолле Бикини в июле 1946 г., выразили свое разочарование разрушительным потенциалом этого оружия [6]. Противоречивость советских высказываний касается не только значимости атомного оружия, но и даты его создания в СССР. Еще 6 ноября 1947 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление о том, что «Советский Союз имеет в своем распоряжении атомное оружие» [7]. Для американских лидеров преуменьшение значе-

ния атомного оружия было бы нецелесообразным, однако для них оставался открытым вопрос о возможности его использования как военного и дипломатического инструмента. Министр обороны США Джеймс Форрестал в 1947 г. говорил об оставшихся годах атомной монополии как «годах возможностей» (цит. по: [8]). Таким образом, некоторую агрессивность политики сдерживания можно объяснить тем, что американское руководство боялось упустить время и стремилось с помощью атомной дипломатии оказать влияние на Советский Союз. При этом, с точки зрения исследователя Дэвида Холлоуэя, нет свидетельств прямого влияния американской атомной бомбы на советскую внешнюю политику того периода [2. С. 271].

Появление ядерного оружия привело к настоящей революции во всех областях военной стратегии, причем об экспериментальной проверке новых концепций не могло быть и речи, поскольку применение атомных бомб было сопряжено с высокими рисками. Следовательно, основные компоненты «новой стратегии вырабатывались и утверждались преимущественно на базе умозрительных заключений и теоретических расчетов» [9. С. 376]. Одним из первых ученых, откликнувшихся на атомные бомбардировки Японии, стал американец Бернард Броди, редактор книги «Абсолютное оружие: атомная энергия и мировой порядок», который подчеркивал, что «раньше основной целью военных было выигрывать войны. Теперь их основная цель – войн избежать» [10. С. 24]. В СССР период 1945–1954 гг. был связан с реорганизацией и модернизацией армии, а также переориентацией на новых противников – США и их европейских союзников. Однако стратегические установки руководства не подверглись еще коренному пересмотру [9. С. 378]. Появление ядерного оружия обуславливало следующие изменения в планировании и ведении военных действий: сокращение времени, необходимого для достижения целей войны, необходимость быстрого развертывания вооруженных сил, опасность сосредоточения крупных групп войск и т.п. Разработка и сведение воедино теоретических подходов к ведению ядерной войны с учетом указанных и других изменений начались в СССР только в 1960-е гг., и основным изданием по этой теме стало «Военная стратегия» под редакцией Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского, опубликованное в 1961 г. Возможно, это связано с личностью Сталина, его восприятием атомной бомбы и ее значения или с тем, что серийно атомные бомбы Советский Союз стал выпускать только в 1954 г. В любом случае похоже, что сам факт появления в СССР ядерного оружия еще не означал необходимости немедленного пересмотра военной стратегии.

Несмотря на разные идеологии и системы управления, Соединенные Штаты и Советский Союз в период с 1945 по 1954 г. решали целый ряд схожих задач. Если рассматривать взаимодействие СССР и США с точки зрения «модели рационального актора» в ее классическом варианте [11. С. 21], то различия между системами принятия решений не имеют принципиального значения. Важно другое: действия одного государства влекут за собой реакцию другого, а международная система накладывает на них ограничения и предоставляет им возможности. Можно привести несколько

примеров таких действий и реакций (action-reaction). Постановление ГКО СССР о создании Лаборатории № 2 для изучения методов получения плутония и исследований в области разделения изотопов урана было принято 11 февраля 1943 г., после того как были получены сведения о ядерных разработках в США и Великобритании. Специальный Комитет по решению атомной проблемы был учрежден в СССР 20 августа 1945 г., т.е. вскоре после атомных бомбардировок Японии. Выработка новых стратегических подходов в Советском Союзе (например, теории поэтапной ядерной войны) произошла позже, чем в США, и начиналась с критики американских подходов [9. С. 407]. В свою очередь, американское решение создать водородную бомбу можно рассматривать как реакцию на приобретение СССР атомного оружия.

Когда обсуждался вопрос о продолжении работ по созданию термоядерного оружия, госсекретарь США Дин Ачесон в споре с Оппенгеймером выразил сомнение, что можно «убедить параноидального противника разоружиться, показав ему пример» [2. С. 301]. Это показывает, что советское руководство не казалось американскому рациональным. Впрочем, как писал один из разработчиков первой советской водородной бомбы А.Д. Сахаров, «позиция Оппенгеймера была не бессмысленна», ведь если бы не американская инициатива в этой сфере, «то в СССР либо вообще не занимались бы военной термоядерной проблемой, либо начали бы заниматься гораздо позднее» [12]. Действительно, несмотря на то, что работы по созданию термоядерного оружия в Советском Союзе были уже в разгаре, американские действия могли послужить одним из факторов в принятии советским руководством решения об интенсификации усилий. Например, постановление Совета министров СССР о создании водородной бомбы было принято 26 февраля 1950 г., т.е. примерно через месяц после того, как 31 января 1950 г. Гарри Трумэн объявил о продолжении работы над так называемой «супербомбой». Уорнер Шиллинг указывает, что сложившуюся в результате ситуацию можно рассматривать как яркий пример дилеммы безопасности: оба государства предпочли бы существовать в мире без термоядерной бомбы, но стремились избежать мира, в котором этим оружием владел бы только противник [13]. При этом, с точки зрения одного из участников Манхэттенского проекта Ганса Бете, СССР и США действительно могли пойти на соглашение об отказе от создания водородной бомбы, поскольку практическая возможность ее создания на тот момент не была доказана [14].

Если все же уделить особое внимание не только действиям и реакциям государств, но и системе организации власти, то следует учесть, что «в высоко централизованном государстве предпочтения доминирующего лица, принимающего решения, могут определять внешнюю политику государства, но в этом случае сам централизованный характер государства является частью объяснения» [15. С. 254]. То есть советская политика послевоенного периода не зря часто анализируется на основе личных характеристик руководства СССР. Разработка советского ядерного и термоядерного оружия происходила в годы, когда посты секретаря ЦК ВКП(б)/КПСС и председателя Совета министров

СССР занимал Иосиф Сталин. Впрочем, и в США, несмотря на более регулярную смену руководства, в тот же период большую часть ключевых решений в ядерной сфере (за исключением запуска Манхэттенского проекта) принял один и тот же президент – Гарри Трумэн. В рассматриваемый период в США сформировался механизм взаимодействия различных ведомств по вопросам ядерной политики. Ключевую роль в этом сыграл принятый в 1947 г. Закон о национальной безопасности (National Security Act), который предусматривал создание Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления, которое должно было представлять ежегодный отчет о состоянии советских ядерных сил [16]. Советский Союз представлял собой высоко централизованное государство, а Сталин и Берия держали ядерные вопросы под своим личным контролем. Недаром на Пленуме ЦК в июле 1953 г. Берия критиковали, в частности, за то, что он единолично отдал распоряжение о проведении испытания водородной бомбы [17]. Однако практика показывает, что выстроенная в США система оставляла возможности для маневрирования и нюансы ее функционирования варьировались от президента к президенту, так что личности Трумэна и Эйзенхауэра не менее важны для анализа ядерной политики, чем, например, личность Сталина. А важны они прежде всего потому, что выбор из спектра вариантов, который предоставляет международная система, лидеры государств осуществляют на основе субъективной оценки рисков и возможностей, а также на основе субъективно понимаемого ими национального интереса.

Итак, годы атомной монополии воспринимались американской стороной как время возможностей, которые нельзя упускать. Отсюда желание эту монополию продлить и попытки опереться на атомную дипломатию в выстраивании отношений с СССР. Отсюда же и желание советского руководства положить конец американской монополии и пресечь попытки США извлечь из нее политические выгоды. Взаимодействие сверхдержав можно рассматривать как совокупность действий и реакций. При этом нужно учитывать, что внешнеполитическое взаимодействие государств представляет собой проекцию внутривнутриполитических процессов. Одним из способов гармонично связать эти процессы является модель «двухуровневой игры» Роберта Патнэма [18], принимающая во внимание, что руководство государства предпринимает действия на международной арене с оглядкой на свое население и оппозицию и с учетом необходимости поддерживать свою популярность среди сторонников.

В американской и советской историографии первое десятилетие существования ядерного оружия занимает существенное место. Ключевой темой являются сами атомные проекты, и часто такие исследования рассматривают не только хронологию научных изысканий, но и морально-этические аспекты работы над ядерным оружием. Здесь следует упомянуть книгу Ричарда Рудса «Создание атомной бомбы», получившую Пулитцеровскую премию и представляющую собой самое масштабное исследование американского атомного проекта: от открытия реакции деления до применения атомной бомбы против Японии. Отдельное место в

американской историографии занимает проблема применения атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки. Одним из нашумевших исследований такого рода является книга Гара Альперовица «Решение о применении атомной бомбы и архитектура американского мифа», ее автор детально изучает процесс превращения нового оружия в инструмент послевоенной дипломатии. Нельзя не упомянуть и книгу Дэвида Холлоуэя «Сталин и бомба», в которой особое внимание уделено роли ядерного оружия в советской внешней политике. В советской и российской историографии не менее подробно освещается научно-технический прорыв, который представляло собой создание ядерного оружия [19]. Однако основную опору исследователя по-прежнему составляют мемуары и свидетельства участников атомного проекта, при этом ощущается нехватка рассекреченных документов по вопросам советской внешней политики. Чтобы преодолеть пробелы в существующих исследованиях, следует свести воедино и сопоставить различные аспекты ядерной политики СССР и США в 1945–1954 гг. Необходимо изучить вопросы науки, внешней политики и военной стратегии в их взаимосвязи, чтобы, несмотря на нехватку доступных источников, сделать обоснованные выводы.

В заключение, определяя место собственного исследования в историографии проблемы, хочется отметить, что необходимость изучения ядерной политики

США и СССР в 1945–1954 гг. обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, открылись новые возможности. Рассекреченные документы советской ядерной программы, и выложенные в сети Интернет архивы внешней политики США дают более полное представление о ситуации. Кроме того, в настоящее время можно применить новые подходы и теоретические парадигмы к анализу ядерной политики. При этом по-прежнему актуальной остается проблема преодоления искаженных представлений о событиях, которые были сформированы в обоих государствах в годы bipolarного противостояния и продолжают оказывать влияние на общественное мнение и взгляды современных политиков. Во-вторых, в первое послевоенное десятилетие были сформированы основные стереотипы холодной войны и представления о намерениях противоположной стороны, заложены основы военной стратегии с учетом существования ядерного оружия, созданы механизмы принятия решений в сфере ядерной политики. Следовательно, период 1945–1954 гг. нужно всегда иметь в виду, изучая историю холодной войны. Более того, актуальный в настоящее время стратегический диалог России и США нельзя анализировать в отрыве от контекста. А этот контекст включает в себя эволюцию ядерных стратегий обоих государств как после окончания холодной войны, так и в ходе bipolarного противостояния, в том числе на самом раннем этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State / Telegram, 28 April 1946 // United States Department of State, Foreign relations of the United States, 1946. Eastern Europe, the Soviet Union. Vol. VI. P. 748–749. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1946v06>*
2. *Holloway David. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy 1939–1956. New Haven; London: Yale University Press, 1994. 464 p.*
3. *Атомный проект СССР. К 60-летию создания ядерного щита России // Каталог выставки. 2009. 102 с.*
4. *Гончаров Г.А., Рябов Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы. URL: http://ruscience.newmail.ru/history/rds_1.html*
5. *The Ambassador in the Soviet Union (Smith) to the Secretary of State / Telegram, 7 June, 1946 // United States Department of State, Foreign relations of the United States, 1946. Eastern Europe, the Soviet Union. Vol. VI. P. 760–761. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1946v06>*
6. *United States Department of State, Foreign relations of the United States, 1946. Eastern Europe, the Soviet Union. Vol. VI. P. 752. URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1946v06>*
7. *Первая советская атомная бомба // Архив Радио «Свобода». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/hd/2004/hd.072404.asp>*
8. *Renshon J. Why Leaders Choose War: The Psychology of Prevention. Praeger Security International, 1982. 240 p.*
9. *История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.*
10. *Baylis J., Garnett J. Makers of Nuclear Strategy. St. Martin's Press, Inc., 1991.*
11. *Model I: The Rational Actor // Allison Graham T., Zelikow P. Essence of Decision. N.Y.: Longman, 1991. P. 13–75.*
12. *Сахаров А.Д. Воспоминания. Глава 6 // Архив Сахарова. URL: <http://www.sakharov-archive.ru>*
13. *Schilling W.R. The H-Bomb Decision: How to Decide without Actually Choosing // Political Science Quarterly. 1961. Vol. 76, № 1. P. 24–46. URL: <http://www.jstor.org/stable/2145969>*
14. *Bethe H. Comments on The History of the H-Bomb // Los Alamos Science (Fall 1982). URL: <http://www.nuclearfiles.org/menu/key-issues/nuclear-weapons/history/cold-war/hydrogen-bomb/comments-bethe.htm>*
15. *Levy J.S. Chapter 8 «Political Psychology and Foreign Policy» // Sears David O., et al. Oxford handbook of Political Psychology. Oxford: OUP, 2003. P. 253–283.*
16. *National Security Act of 1947. URL: <http://www.nationalmuseum.af.mil/factsheets/factsheet.asp?id=1845>*
17. *Holloway D. Soviet Nuclear History: Sources for Stalin and the Bomb // Cold War International History Project Bulletin, Issue 4 (Fall 1994). URL: <http://wilsoncenter.org/topics/pubs/ACFIB7.pdf>*
18. *Putnam R.D. Diplomacy and domestic politics: the logic of two-level games // International Organization 42, 3, Summer 1988. P. 427–460.*
19. *Иойрыш А.И. и др. А-Бомба. М.: Наука, 1990. 423 с.*

Статья представлена научной редакцией «История» 24 декабря 2009 г.